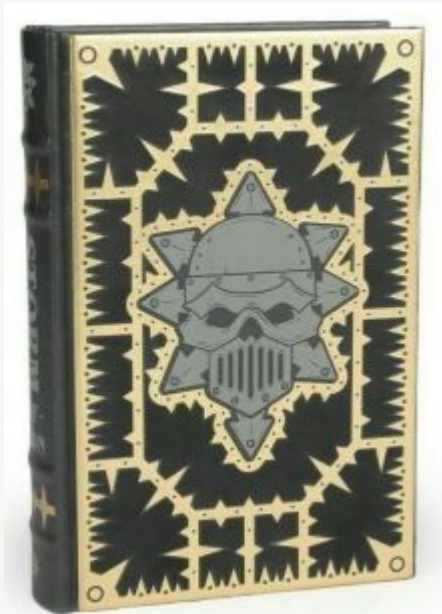

Полукровка / Halfbreed (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Полукровка / Halfbreed (рассказ)

Автор	Грэм Макнилл / Graham McNeill
Переводчик	Hades Wench
Издательство	Black Library
Серия книг	Железные Воины / Iron Warriors
Предыдущая книга	Кладбищенская тропа / The Corpse Road
Следующая книга	Поколение войны / Warbreed
Год издания	2021
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

ПОЛУКРОВКА

Додекатеон, часть первая

*Бледная ломится смерть одной все и тою же ногою
В лачуги бедных и в царей чертоги.*
(Гораций, Оды)

Халан-Гол...

В древнем языке Олимпии у этого слова было какое-то значение, но Тет Дассадра так и не удосужился выяснить какое. Наверняка это что-то грандиозное из стародавней истории Лиги Лохоса, что-то с важным смыслом, олицетворение стойкости, выдержки и выносливости. Кузнец войны, воздвигший Халан-Гол, отличался многими талантами, но утонченность в их число не входила. В легионе поговаривали, что он сошел с ума еще в те давние времена, когда носил человеческое имя — Барбан Фальк. В те времена, когда легион еще был верен Императору.

Когда-то на месте Халан-Гола вздымалась самая высокая горная гряда на Медренгарде. Ее вершины, устремлявшиеся за пределы неба, Кузнец войны превратил в стены своей твердыни. Самые высокие стали башнями крепости из блестящего вулканического камня, спроектированной так, чтобы выдержать практически любой штурм. От предгорий остались лишь оболочки — они стали внешними стенами крепости, эти темные неприступные утесы говорили, что любая попытка сломить их закончится ничем. Подземелья донжонов так глубоко погрузились в скальное основание гряды, что, казалось, покинули пределы этого мира. Даже для легиона, прославившегося своими знаниями фортификаций, Халан-Гол был шедевром, мало чем уступавшим в своем великолепии твердыне самого Пертурабо.

А теперь от шедевра остались лишь развалины. Именно величие крепости предопределило ее несчастную судьбу — и еще то, что владеть ею поставили грязного полукровка, которому большинство воинов в легионе не доверили бы даже таскать мешки с землей для тылового редута. В этом Дассадра видел лишь еще одно доказательство того, что жизнь несправедлива. Разве он не горбатился весь Крестовый поход по пояс в грязи и крови, век за веком ведя осаду за осадой? Разве он не следовал за Железным Владыкой в самое пекло любого сражения, разве не шел впереди гранд-роты на смертный бой?

Так почему же у него нет своей твердыни?

Хотя на такое аляповатое сооружение, как Халан-Гол, он бы ни за что не согласился.

Опустившись на колени, он зачерпнул пригоршню болтерных гильз и покатал их на ладони, словно жидкость. Может быть, здесь были гильзы и от его болтера? Вполне возможно: он расстрелял тысячи патронов, штурмывая крутые фланки Халан-Гола. Деформированная латунь звенящим дождем утекла между пальцев, и несколько рабов насторожились, опасаясь, что он обратит на них свое внимание. За время долгого путешествия из восточной части Галактики они поняли, что Дассадре нравится зверствовать и мучать.

Да, за ним такое водится, но извиняться за свои склонности он не собирался. Подобно прочнейшему из металлов, выкованных в горниле кузни, он скорее бы сломался, чем прогнулся. Его клинок забрал жизни сотен невольников, прежде чем «Поколение войны» достиг Медренгарда. Путешествие по Кладбищенским тропам требовало скрытности, но покинув Восточные Окраины, пассажиры корабля вернулись к старым привычкам и совершили несколько налетов на отдаленные планеты. Трюмы корабля пополнились новыми пленниками.

Мертвое черное солнце Медренгарда неподвижно висело в безжизненном небе, не давая определить ход времени, но в развалинах крепости уже возрождалась жизнь. Вокруг внутренней цитадели выросли временные укрепления из витрифицированного камня; биомеханические создания, движимые варп-энергией, доставили на своих спинах листы плакированной стали из схронов, рассеянных по всей поверхности демонической планеты.

Они пришли сами, не в ответ на какой-то особый призыв. Появление «Поколения войны» у Кривой башни не осталось незамеченным среди обитателей этого проклятого мира. Как только хозяин корабля спустился по Бесконечной лестнице на поверхность планеты, к Башне потянулись отряды Железных Воинов, оставшиеся без командира, стаи ржавошкурных тварей и грохочущих демонических машин, и все они несли обильную дань. Еще до того как он прибыл, ядовитое нутро Медренгарда шептало его имя.

Дассадра бросил взгляд через плечо. На опаленном утесе, нависшем над пустошами, высилась фигура, казавшаяся черной на фоне ярко-белого неба. Губы Дассадры искривились в презрительной усмешке, которую скрыл шлем.

Хонсу.

Поднявшись на ноги, Дассадра стряхнул пыль с ладоней и зашагал к полукровке, на ходу сжимая кулаки. Большинство Железных Воинов отличались крепким, приземистым телосложением, которое лучше подходило для работы в окопах, где им приходилось сгибаться в три погибели, чтобы избежать огня с вражеских парпетов. Однако из-за генетической примеси от омерзительных Имперских Кулаков Хонсу казался выше и более статным, чем значительная часть IV легиона.

«Еще один повод для ненависти».

Как и Дассадра, Хонсу носил доспех цвета матовой стали; на левый наплечник были нанесены черно-желтые полосы, характерные для легиона. По серебристой мерцающей поверхности его левой руки пробегала рябь, словно она была из ртути. За спиной у него был закреплен чудовищного вида топор, черное лезвие которого поглощало свет и казалось тенью самого себя.

Воин стоял на самом краю тонкого выступа скалы — впереди и ниже него была лишь пустота. Учитывая предательский характер медренгардской скальной породы, так мог вести себя человек безрассудно храбрый или же безрассудно отчаянный. Пройдя вместе с Хонсу через сражения в войне Рожденных кровью, Дассадра знал, что в этом случае оба качества соединились.

Встав позади Хонсу, Дассадра заглянул за край утеса. Лабиринт хребтов, кряжей и отрогов внизу был ему хорошо знаком — ни один Железный Воин никогда не забывал топографию местности, в которой ему довелось сражаться.

— Я помню, как взбирался на эти скалы вслед за Торамино и Бероссом, — сказал он. — Меня переполняла ненависть, и я предвкушал, как выбью тебя из Халан-Гола. Каждый миг, когда ты числился его властелином, оскорблял честь нашего легиона.

— И все же ты оказался на моей стороне, — заметил Хонсу.

— Да, оказался.

Кулаки Дассадры разжались, рука начала подниматься словно сама по себе. Нужен лишь небольшой толчок, одно легкое, практически незаметное прикосновение — и Хонсу полетит на острые камни, на железные грани скал в тысячах футов внизу. При падении с такой высоты не спасет даже силовой

доспех.

Дассадра уставился на свои пальцы — они казались чужими. Поднял взгляд, и увидел, что Хонсу обернулся к нему. От недостатка естественного света лицо его стало бледным, почти серым, а гнев искажил и состарил черты. Часть черепа после попадания снаряда из болтера Ультрадесантника заменила пластина из вороненого металла. Из-за этой раны и установленной аугметики на лице полукровки застыла вечная кривая усмешка; уцелевший глаз смотрел прямо на Дассадру.

— Хочешь столкнуть меня, Тет?

— Этого хочет благородный Железный Воин внутри меня.

— Но почему? И пожалуйста, не трать время на всю эту чушь про мою нечистую кровь. Если бы дело было только в этом, ты не стал бы ждать меня на Кладбищенской тропе.

— Может быть, я просто хочу увидеть, как ты проиграешь.

— Так вот чем, по-твоему, здесь все закончится?

Отстегнув фиксаторы, Дассадра снял шлем. У него было аристократическое лицо с жесткими, будто вырубленными из гранита чертами, но благородство давно уступило место бесконечной горечи разочарования.

— Возможно, — ответил он со вздохом. — Я уже ни в чем не уверен. Тебя давно уже должны были прикончить, но вопреки всем закономерностям ты каким-то образом выживаешь.

— Такой уж у меня талант, — признал Хонсу.

— Я не буду сталкивать тебя с обрыва, потому что, когда твои планы обернутся прахом, а имя твое будет опозорено, я буду знать, что ты такое на самом деле: статистическая погрешность, отклонение от нормы, сбой в великом порядке вещей. Чем дольше ты умудряешься оставаться в живых, тем труднее этот сбой объяснить.

— Значит, с моей смертью вселенский порядок восстановится и все станет таким, как и должно быть? Ты это хочешь сказать?

— Именно. И я хочу увидеть, как ты наконец замахнешься на что-то, что тебе не по зубам.

— Думаешь, этот момент близок?

Дассадра рассмеялся.

— Ты вернулся на Медренгард, чтобы увидеться с самим Пертурабо, потребовать, чтобы он спустился со своего костяного трона и пошел войной на Империум. Не кажется ли тебе, что это уже чересчур?

— Я не стоял бы здесь, если бы так думал, — ответил Хонсу. — Я не боюсь Пертурабо.

— Это потому, что ты его никогда не встречал.

— Может, и так, — признался Хонсу, — Железного Владыку я не видел — дни его славы миновали задолго до моего рождения.

— Они миновали еще до того, как Луперкаль обратил свой взор к Терре, — сказал со вздохом Дассадра.

— Я наблюдал, как слабость подтачивает его, словно океанские волны — скалу. Он последовал за

Финиксийцем на поверхность мертвой эддарской планеты, движимый узами братства, которые — он это знал — были обманом. Во время осады императорского дворца я сражался рядом с ним, чтобы победить в соперничестве, в которое его втянули другие. Причиной слабости Пертурабо стало его собственное понятие о чести, но это не делает его менее опасным. Никого более смертоносного я не встречал.

Хонсу кивнул.

— Все эти истории я уже слышал. Слышал все эти рассказы и жалобы так называемой «старой гвардии», но скажем прямо: какая теперь разница? Те дни миновали, и они были вовсе не такими славными, как тебе кажется. Мы веками не можем двигаться дальше, потому что цепляемся за то, что якобы было. Вместо новых побед мы жаждем вернуть прошлое, продолжаем искать золото в шахте, которая уже выработана до дна. Пора сражаться за что-то большее, чем просто мечта, которая была разбита десять тысяч лет назад. Но если ты хочешь оставить все как есть, чтобы и дальше ничего не менялось, то давай, столкни меня со скалы. Можешь убить меня — мешать не стану.

Дассадра хмыкнул.

— Я тебе не верю.

— Упростим задачу. — Хонсу повернулся к нему спиной и распростер руки, словно готовясь к прыжку.

Кулаки Дассадры опять сжались, но огромным усилием воли он подавил старые желания.

— Нет, — сказал он, — убивать тебя я не стану.

— Почему?

— Потому что ты, возможно, прав. Да помилуют нас боги, но может быть, именно в тебе будущее нашего легиона. Может быть, у тебя получится совершить невозможное.

Шрамы на лице Хонсу превратили его улыбку в гротескную маску.

— Прежде чем окончательно впасть в депрессию, Форрикс как-то рассказал мне легенду об одном могущественном древнем правителе, которому удавалось поверить в шесть невозможных вещей до завтрака.

— И кто это был? Тиран Бадаба? Великий Еретик?

— Нет, какая-то кровожадная королева, которая имела обыкновение рубить головы всем, кто смел ей возражать.

— А, последовательница бога резни.

— Возможно; до Гидры Кордатус я редко прислушивался к тому, что говорил Форрикс. Но когда-то в нем были и амбиции, и целеустремленность. Я почти жалею, что не познакомился с ним в прежние времена, еще до того, как череда поражений лишила его силы духа.

Воцарилось молчание. Оба Железных Воина смотрели на бескрайние пустоши, раскинувшиеся внизу. За тысячелетия индустриального производства металл и камень вросли в плоть этого мира раковыми опухолями, которые похоронил под собой толстый слой серого пепла. Никто не знал, как выглядела планета до того, как на ней появился IV легион. Может быть, когда-то она существовала в обычной вселенной и была перенесена в Око ужаса как отравленное подношение для Пертурабо в награду за его

слепую преданность? Или же давным-давно население ее подняло восстание, и вопящих еретиков затянуло в варп?

— Здесь повсюду должны работать заводы и кузницы, — сказал Хонсу. — Учитывая, какую десятину мы собираем и сколько трофеев накопили, мы могли бы снарядить тысячу армий и начать военную кампанию, беспрецедентную по масштабу. В сравнении с ней даже экспедиционные флоты Великого крестового похода показались бы всего лишь дозорными отрядами.

— Так вот на что ты надеешься уговорить Пертурабо?

— Нет. Это то, что я собираюсь сделать сам.

— Ты правда думаешь, что сможешь пользоваться ресурсами этой планеты без его разрешения?

— Именно так.

— Но ты даже не хочешь явиться в его твердыню, чтобы попросить.

— Этого не потребуется, — ответил Хонсу. — Он сам ко мне придет.

Смех Дассадры гулким рокотом прокатился над бездной, и его эхо затерялось на просторах этого мира, который уже много тысячелетий не знал искреннего веселья. Увидев, однако, что Хонсу не шутит, Дассадра сразу посерьезнел.

— Подожди, ты правда так думаешь?

— Я всегда ненавидел крепости, но в фортификациях разбираюсь лучше многих и многих — кроме, пожалуй, Камнерожденного. Я могу построить стены, которые никто не сможет взять штурмом, и могу захватить самую неприступную цитадель, но меня не устраивает сама мысль о том, чтобы окопаться на одном месте и передать инициативу противнику. Так не пойдет. Еще раз я эту ошибку не повторю. Восстановительные работы ничего не значат — это лишь мой способ заявить о себе, привлечь внимание других. Даже Пертурабо заметит, что башни Халан-Гола возвышаются снова.

— А почему ты уверен, что он вновь не сровняет их с землей?

Повернувшись спиной к обрыву, Хонсу направился обратно к руинам. С каждым ударом хлыста стены твердыни поднимались все выше. Обакс Закайо, его бывший погонщик рабов, давно погиб, но дело его достойно продолжали другие надсмотрщики, под нажимом которых работа шла полным ходом.

В слепящей белизне неба появился какой-то темный силуэт, тень от которого накрыла Хонсу.

— Можешь лично его спросить, — предложил он Дассадре, когда тень превратилась в падающую серебряную комету.

Словно молния, она вонзилась прямо в сердце Халан-Гола, разрушив все строения вокруг себя. С земли поднялись удушающие клубы пыли и дамы, где смешались частицы стали, камня и костей. Раздался гулкий грохот, как если бы молот какого-то божества ударил по железному ядру планеты, и из недр вырвались языки пламени, как при извержении вулкана.

Ветра не было, но когда титаническая фигура появилась из эпицентра удара, клубы пыли разлетелись в стороны, будто унесенные шквалом. Примарх был гигантом и до своего демоничества; сейчас, облаченный в броню из серебра и стали, он казался настоящим колоссом. Доспех его больше походил на

укрепленный саркофаг, чем на вооружение человека. С черно-желтой окантовкой по краям пластин, испещренный шрамами после тысяч и тысяч сражений и ремонтными сварными швами, доспех казался сделанным из сплава металла и плоти.

Он назывался Логос и защищал Пертурабо — Железный Владыка прибыл.

Кожа на его голове, не покрытой шлемом, была мертвенно бледной, некротичной, словно у трупа, долгое время пролежавшего в бездонной океанской впадине. Ребристые кабели толстыми жгутами протянулись по голове, в глубине черных глаз теплился ледяной свет. У примарха было лицо человека, который не испытал в жизни ничего, кроме разочарования и неизбежной горечи предательства. Сокрушитель наковален, молот Пертурабо, был выкован другим примархом, но за прошедшее время изменился настолько, что его создатель вряд ли узнал дело рук своих.

Дассадра склонил колено перед приближавшимся Железным Владыкой, но тот не обратил на него внимания.

— Значит, ты и есть тот полукровка, чье имя я так часто слышу, — заговорил Пертурабо.

— Да, я Хонсу.

— И ты не склонишься перед своим примархом? Не проявишь уважение, не поклянешься в верности?

— Я не знаю вас — пока не знаю, — ответил Хонсу, — но легенды, которые я о вас слышал, заслуживают уважения.

— Легенды?

— Их мне рассказывал Дассадра — вот он — и его предшественники. Форрикс постоянно твердил, какие великие подвиги вы совершили на Терре. Я не застал то время и жалею, что не стал им свидетелем.

Пертурабо рассмеялся в ответ на такую незамысловатую лесть.

— Красиво ты говорить не умеешь.

— Нет, — признал Хонсу. — За меня обычно говорят мои дела.

Дассадра ждал, когда же наконец Хонсу за его нахальство прихлопнут одним ударом. Он говорил искренне, признаваясь, что мечтает увидеть, как полукровка потерпит крах в погоне за своими амбициями, и этот момент, похоже, настал. Дассадра рискнул немного приподнять голову и заметил, как пристально Пертурабо изучает наглеца. Глаза примарха сузились: ему хватило лишь взгляда, чтобы узнать все, что нужно.

— Действительно, — задумчиво сказал Пертурабо, — в тебе есть что-то от него.

— От кого? — спросил Хонсу.

— От Верховного Сулаки из Додекатеона. Когда-то, в обычной жизни, он был аптекарием.

— Не слыхал о таком.

— Неудивительно, он умер много тысячелетий назад. При жизни он мало кому нравился — понятно, почему память о нем не сохранилась. Но хватит говорить о древних мертвецах, кузнец войны Хонсу. Фальк пожаловал тебе этот титул, и лишь поэтому я еще не убил тебя, так что давай побеседуем. Ты ведь

за этим сюда пришел?

— Верно, — подтвердил Хонсу.

— Значит, будем говорить. — Пертурабо вытащил помятый лист железа из штабеля строительных материалов и расположил его на основаниях сломанных колонн так, что получилось нечто вроде стола. Опустив молот на землю, примах положил руки на металлическую поверхность.

— Я упомянул Додекатеон — ты знаешь, что это такое?

— Нет.

— Так называлось место, где собирались строители и воины легиона. Орден каменщиков, названный в честь двенадцати тиранов древней Олимпии. Его основали мастера-зодчие задолго до того, как я воссоединился со своими генетическими сынами. Члены этого ордена, где чины и титулы ничего не значили, собирались, чтобы разработать новые проекты, воссоздать прошлые сражения и проверить военные теории в бесконечных стратегических симуляциях.

— Я предпочитаю проверять их на практике.

— Это глупо, а у меня сложилось мнение, что ты далеко не глуп, кузнец войны Хонсу, — возразил Пертурабо. — Так что не трать мое время на бахвальство. Тебе не нужно стараться произвести на меня впечатление, и запугать ты меня не сможешь, так что давай поговорим как равные воины.

— О чем же?

Пертурабо распределил песок, камни и обломки металла по поверхности железного листа так, что на нем возникли очертания какого-то ландшафта.

— Раньше мы использовали для этого голограммы и литографические столы, но иногда полезно вернуться к основам, — пояснил примарх.

— Использовали для чего?

— За многие годы, что я вел войска в битву, я обнаружил, что быстрее всего узнать ход мыслей человека можно, наблюдая, как он играет. За час игры ты узнаешь о другом больше, чем за годы разговоров. Поэтому мы с тобой во время беседы сыграем в игру, и если мне не понравится то, что я увижу, ты умрешь.

— А если понравится?

— Всему свое время, кузнец войны, — ответил Пертурабо, когда Хонсу занял место за столом напротив него. Наклонившись вперед, примарх впери в полукровку взгляд, полный темного огня.

— Для начала расскажи мне о Гидре Кордатус, — приказал Пертурабо.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Полукровка/_Halfbreed_\(рассказ\)&oldid=24459](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Полукровка/_Halfbreed_(рассказ)&oldid=24459)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 февраля 2024 в 05:10.